

Ушла из жизни Татьяна Петровна Лукашкина — наш активный общественный корреспондент, наша незаменимая помощница. Несмотря на солидный возраст, трудные времена, она никогда не была угрюмой, подавленной. Это был суток энергии, духовный воспитатель народа. Педагог, знаток и пропагандист культуры коренных народов, одна из первых создателей фольклорных коллективов Камчатки, активная общественная деятельница, Т. П. Лукашкина оставила

неизгладимый след в памяти народов Камчатки. Ее знали не только в России, но и за рубежом. Она написала книгу «Сказки бабушки Петровны», вместе с американскими друзьями готовила к изданию другие книги. Много интересного написала в газету «Абориген Камчатки».

В жизни Татьяны Петровны было много трудностей, но она упорно преодолевала их, своим примером учила нас жизнестойкости. Татьяна Пет-

ровна была живой, оптимистичной, полна творческих планов.

Светлая память о Татьяне Петровне навсегда останется в сердцах камчатцев.

Камчатская областная ассоциация коренных малочисленных народов Севера, редакция газеты «Абориген Камчатки» выражают соболезнование родным и близким по поводу кончины Татьяны Петровны Лукашкиной.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Не стало Татьяны Петровны Лукашкиной... Видел ее в последний раз, когда она приезжала в наш интернат к Капустинской Марье Павловне, с которой она познакомилась в Начиках. Царство ей небесное... Слезы давят...

Помню я ей при жизни посвящал стихотворение, которое было напечатано в Олюторской районной газете «Заря коммунизма».

В селенье маленьком Ковране,
Где пурги зимние мели,
Росла улыбочивая Таня —
Цветочек северной земли.
Потом учеба в Ленинграде,
Чтоб после на Камчатке всей
Жить-поживать не славы ради,
А жить с людьми и для людей.
Потом улыбочивая Таня
На краешке родной Земли
Жила, ходила на свиданья,
А там и дети подросли.
Мальчишек учит и девчонок
Любить Камчатку все сильней,
Чтобы ее любил ребенок,
Как песни матери своей.
Сегодня семьдесят четыре
Исполнилось Татьяне той.
Живет во здравии и мире,
Идет в обнимку с красотой!
И частые разъезды, встречи —
Ходить, летать — совсем не лень.
Сейчас у нас — Татьянин вечер!
Сейчас у нас — Татьянин день.

Юрий Коровин.

ХВАТИТ ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ

С семьей Лукашкиных познакомилась в ноябре шестьдесят первого года, когда моя семья приехала из Оссора в Палану для дальнейшей работы, я учителем истории, муж работником окружного партии. Целый год мы были соседями. Семья Лукашкиных жила за стенкой в трехкомнатной квартире с тремя младшими детьми: Шурой, Володей и Ниной. Нина училась в третьем классе, очень любила читать. Во время телевизора не было, детское кино — только по воскресеньям. У Лукашкиных был фильмоскоп с набором диафильмов, в том числе сказок. И вот вечерами у Лукашкиных собирались детки с ближайших дворов, и Ниночка, как старшая из них, показывала и читала детям диафильмы. Скоро в их школу попала и моя дочь — трехлетняя Таня. Для нее это было любимое время суток и любимые дни, когда она ходила к Нине смотреть «кино». Казалось бы, своих полно в квартире Лукашкиных, а здесь каждый вечер толпа чужих. Но ни разу — ни сами родители, ни старшие дети не возмущались, делали свои дела, кто читал, кто готовил уроки, а кто и ужин. Всегда в этом доме было спокойно, уютно, чисто, дети аккуратны и вежливы. Родители вечерами часто отсутствовали, ведь, кроме работы, они оба были коммунистами, а следовательно, у каждого были общественные поручения, которые никогда не выполнялись в рабочее время.

Татьяна Петровна была заместителем секретаря парторганизации Паланской средней школы, отвечала за всю агитационную и пропагандистскую работу. Я, тогда еще кандидат в члены партии, была агитатором, еще пятеро получили такое же задание. Как же я была удивлена, что эта женщина, мать пятерых детей, днем работающая, успевала проверять нашу работу агитаторов. Она встречалась с семьями, к которым нас прикрепили, и беседовала с ними. А ведь надо было обойти всю «почтовую» (так назывался будущий совхоз «Паланский») и сам поселок. Казалось, эта женщина никогда не спит. А сколько детей она научила говорить по-

русски в нулевом классе, чтобы они смогли понять речь учителя в первом классе. Дети, жившие с родителями-оленьводами совершенно не знали русский язык, а преподавание в школах велось только на русском языке.

Татьяна Петровна занятия с детьми проводила чаще всего на природе. Обходила улицы Паланы кочевой и Паланы оседлой, показывала постройки, животных, учреждения, жилые дома, растительность, птиц и т. д., дети очень быстро усваивали ее уроки, а после уроков, уже на общественных началах, она учила их танцевать, прикладному искусству, содержать дом в чистоте, для чего приводила детей в свою семью. А вечерами — работа со взрослыми.

Примерно в 64-65 году семья Лукашкиных переехала в Корф, где Степана Григорьевича избрали секретарем парткома Корфского рыбокомбината. Татьяна Петровна и здесь скоро стала всем нужной.

Вновь встретилась я с этой удивительной семьей в ноябре шестьдесят шестого года, и еще раз убедилась в их чужеродности и благородстве. Моя семья переехала в Оссору. Так случилось, что муж уехал на работу раньше, а я с детьми добиралась к нему глубокой осенью. Пока летели самолетом АН-2, из-за плохой погоды закрылся аэропорт в Оссоре, и самолет сел в Корфе. Пронзительный холодный ветер, никого знакомых, и я с двумя детьми — восемь лет и год и два месяца. В аэропорту ничего не было, кроме деревянного топчана и так называемой «комнаты матери и ребенка».

И тут пришла спасительная мысль — сюда же переехали Лукашкины! Позвонила Степану Григорьевичу, тут же приехал сам и привез меня с детьми к ним в дом. Жили они в двухкомнатной квартире с тремя детьми: Шура училась в институте, но пришел из армии Слава, Володя работал и Нина училась в 9 классе.

С недоумением думала, куда же он меня привез, сам в тесноте. А жила я там с детьми целую неделю, так как шел мокрый снег. Все это время Степан Григорьевич водил сыновей ночевать в парткабинет, где они и спали на диване, а мне с детьми отдали комнату. Маленький ребенок, погоды нет, пеленки, ползунки целый день висели на кухне над печкой, больше нигде было сушить. И хоть бы один упрек от членов семьи Лукашкиных, как всегда добры, спокойны, налажена размеренная жизнь. Родительница чаще всего вечерами дома так и не было: Татьяна Петровна вечно на репетициях, Степан Григорьевич поздно на работе, дети самостоятельны.

Когда через год самолет, летевший в Корф, сел в Оссоре и Татьяна Петровна пришла к нам ночевать, мы ее встречали как самую дорогую гостью. Жаль только что было всего одну ночь. Эта женщина никогда не менялась внешне. Можно было ее не видеть несколько лет, а она оставалась все такая же молодая, энергичная.

В 1997 году во время командировки в Тиллички я с ней провела несколько вечеров. Это клало мудрости!

Сколько она рассказывала, показывала фотографии, собранный ею материал. По ее просьбе я достала с антресолей все ее альбомы, комоды с письмами, альбомами, записками. Просила ее дать материалы в окружной архив, она все говорила, что пока все это ей нужно, она будет с ним работать. Часть документов все-таки отдала, и мы смогли открыть ее фонд в окружном архиве.

Как много было у нее еще замыслов, много недоделок...

Хотя уже того, что она сделала, хватит для нескольких поколений.

Г. А. Воронина,
житель Паланы.

Вдруг вижу на телеэкране знакомое мне: женщина в красивом национальном костюме поет что-то на родном языке под аккомпанемент гармониста, а голос диктора произнес: «На восьмидесятом первом году жизни ушла от нас Татьяна Петровна Лукашкина, Заслуженный работник культуры...» И сердце откликнулось печально расставания с прекрасным человеком.

Познакомились мы прошлым летом, когда она приезжала к нам в Сосновку. И встреча с нею, такой энергичной, веселой, светлой, порождала ощущение того, что у нее впереди еще много, много времени для того, чтобы сполна передать людям накопленную мудрость. Так велика была сила ее обаяния, что я написала об этой встрече в февральском номере «Аборигена».

За год нашего знакомства она написала мне два письма. В первом — просьба. Во втором — благодарность за исполнение. У нас была всего одна та встреча и около тридцати лет разницы в возрасте, а письмо начиналось со слов: «Добрый день, подружка Светлана». И потом подробное описание праздника оленьводов в Хаилине, где Татьяна Петровна принимала самое деятельное участие, у нее было множество встреч с детьми, начиная с детского сада и заканчивая выпускниками школы. Национальные игры, загадки, сказки, рассказы, песни... Она описала праздник, как всегда, просто и поэтично, закончив так: «...Музыку слушала вся тундра, горы, куропатки, зайцы и все село Хаилино. Гром бубнов все заглушал, танцевали и старые, и дети, и собаки вилили хвостами».

«...ЮКОЛУ ЖУЮ И ЧАЕМ ЗАПИВАЮ»

Просьба же ее заключалась в том, чтобы перевести давнюю статью из украинского журнала на русский. Корреспондент Александр Гордый приехал из Киева на Камчатку в 1964 году, познакомился с ее природой, людьми, написал большую статью, а затем отправил Татьяне Петровне, потому что есть там строки, посвященные ей. И там же интересная фотография, где молоденькая девушка Таня с Камчатки сидит рядом с Н. К. Крупской.

Статью перевели в Сосновке «всем миром». Что-то из языка немного знала я от бабушки-украинки. Остальное — помогли Вера Иннокентьевна и ее муж — украинец Михаил Моисеевич Ковейник. Вот что рассказывает журналист о Лукашкиной: «На планете живут семь с половиной тысяч коряков, все — на Камчатке. Прошлой осенью (т. е. в 1963 г.) на гастроли в Париж летели артисты балета «Мэнго», первого в истории маленького народа, который до советской власти не знал, что такое алфавит. В хореографической группе «Мэнго» есть ученики Татьяны Петровны Лукашкиной. Сейчас она работает и живет в Тилличках, обучает детей мастерству танца, открывает перед ними чарующий свет музыки».

Много лет тому назад юная камчадалка ехала в Ленинград поступать в Институт народов Севера. В далекой дороге ее ждали такие испытания, о которых теперь поседевшая Татьяна Петровна вспоминает с улыбкой.

— Я впервые увидела паром, железную собаку, оказалось, это был автомобиль. Потом — поезд, дома двигались по земле. Как же так, — будоражило меня, — на Камчатке дома стоят, а тут идут... и люди в окнах руками машут. Впервые во Владивостоке увидела кино. И закричала в зале, испугалась: на экране показывали пожар, прямо на зрителя летели кони...

Она стала лучшей студенткой института — отличницей и спортсменкой. В те годы сбывалась мечта, которая, можно сказать, оставила солнечный след во всей ее жизни.

— Восьмого марта, — ведет рассказ Татьяна Петровна, — меня премировали бесплатной поездкой в Москву, послали на встречу с Надеждой Константиновной Крупской. Со мною ехали 60 стахановок с заводов и фабрик. Всю ночь я рисовала торбаса, кухлянки, малахаи. Я хотела показать работу наших женщин. Встреча произошла в 10 утра. Я была единственной националкой с Севера. Надежда Константиновна сразу меня приметила, позвала к себе, обняла за плечи, посадила рядом. Руки у нее были такие теплые, мягкие, материнские.

В «Комсомольской правде» тогда напечатали фотографию Тани. Газета попала в руки киевского инженера Сергея Цилинского, и они начали переписываться. Сергей приехал в отпуск в Ленинград, сразу сходил в театр. На набережной Невы юноша с Украины читал ей свои стихи. Так вспыхнула первая любовь...

Я знаю, что у Татьяны Петровны семья, дети, внуки. И не отважился спросить, почему оборвалась та струна, которая зацепила два юных сердца. Ответ дала сама Лукашкина:

— В первые дни войны Сергей пошел добровольцем на фронт и погиб...

Я видел у нее фото молодого человека со спокойным и добрым лицом. Более тридцати лет женщина с Камчатки бережет эту фотографию.

Лукашкина — автор популярной песни про пастуха, который не утратил веры в лучшую долю, хотя и ходил «в дырявых торбасах, не имел ни табуна, ни собак...»

Второе письмо пришло сразу же, как только Татьяна Петровна получила перевод статьи. В нем, кроме благодарности, она рассказывала о своих делах, встречах, планах. Прошедшие годы не изменили ту Татьяну Петровну, о какой писал украинский журналист 35 лет назад, разве добавили опыта, мастерства и понимания людей.

Дата письма 3 апреля 1999 года. И тон его, как всегда, жизнерадостный, энергичный, полный мягкого юмора; заканчивается оно фразой: «Вот так я и живу, юколу жую и чаем запиваю...»

Да, Татьяна Петровна будет жить и дальше, оставаясь в памяти тех, кто ее встретил на своем пути, в ее сказках, легендах, песнях, в творчестве ее учеников.

С. Ничипуренко,
п. Сосновка.